

20. *Stepanyan K. Chelovek v sfere "Realizma v vysshem smysle": teoditseya i antropologiya Dostoevskogo [Man in the Sphere of «Realism in the Highest Sense»: Theodicy and Anthropology of Dostoevsky]. (in Russian). Available at: <http://litved.com/степанян-человек-в-свете-реализма/> (Accessed: 15.09.2019).*

УДК: 80; 2-12

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОБОРНОСТЬ» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО- КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Людмила Евгеньевна Хворова

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Лили Цзинь

аспирант факультета филологии
и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Для цитирования: Цзинь Л. Значение понятия «соборность» для формирования духовно-культурных традиций русской литературы (на примере «Слова о полку Игореве») // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 262–270.

Аннотация

В статье идет речь об истоках духовности русской литературы – православно-христианской культуре, формировавшей внутренний «православный свертхтекст» отечественной литературы, о соборности как исконно русском понятии. Приводятся рассуждения русских ученых, философов, религиозных мыслителей, сов-

ременных литературоведов. Высказываются соображения об универсальности данной категории, выходящей за пределы богословия, сформировавшей духовный базис русской классической литературы. Анализируется древнерусский памятник «Слово о полку Игореве», где ярко выражены истоки соборности, фактически сформулирован так называемый «идеал Святой Руси», основанный на «интуиции совести и драме вины». Рассматривается также специфика «патриотического модуса» русской отечественной классики, проблема «внешней и внутренней свободы», важнейшие жанрово-стилевые компоненты.

Ключевые слова: соборность; культура; народность; православный «сверхтекст»; Святая Русь; христианский идеал.

Истоки духовности русской литературы – в тысячелетней православно-христианской культуре России. Философ и историк Г. П. Федотов в статье «О национальном покаянии» (1933) писал: «Народ и его культура были едиными. Народ творил культуру. Не трудно видеть, что и эта культура, и душа этого народа были существенно христианскими» [6, с. 78]. Знаменательно, что душа народа, его культура и литература для Федотова – неразрывное целое: «Вся русская литература <...> в основном своем русле <...> была христианской. Для Запада это бросалось в глаза с полной ясностью: та любовь и сострадание, та жертва и нисхождение <...> бесспорно, принадлежат к христианскому наследию <...> Можно уточнить и дальше признать не только христианский, но и восточно-православный характер этой культуры» [6, с. 78].

В 1825–1826 годах в незавершенной статье «О народности в литературе» А. С. Пушкин выделил три основные составляющие, которые определяют «физиономию каждого народа»: «климат, образ правления и вера» [4, с. 35]. Православная христианская культура на протяжении тысячелетия постепенно сформировывала специфический тип поведения и самобытный образ мышления, создала глубинный, внутренний «православный сверхтекст» отечественной литературы. В этой связи стоит привести высказывание С. Б. Прокудина о том, что «самое главное в русской литературе – глубина духовных исканий, жажда истины и утверждение вечных ценностей» [4, с. 12].

Одним из ключевых в отечественной духовной традиции является понятие «соборность». А. В. Гулыга подчеркивал, что соборность – исконно именно русское понятие: «Русские поставили

проблему взаимосвязи личностей – действующих, думающих, переживающих (в том числе и неосознанно – это особенно у Достоевского). Единство общего и единичного, при сохранении полного братства последнего – «соборность». Такого термина нет на Западе» [2, с. 5].

Русский писатель, философ и общественный деятель А. С. Хомяков в первой половине XIX столетия сформулировал категорию соборности как некое ядро, присущее исключительно восточному (русскому) Православию: «единство <...> органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви» [8, с. 56].

Любовь в православной аксиологии – милость Божия, а стало быть, дитя сердца, но не разума. Любовь выше и понятия «права». Это – ключевое уточнение, применительно к православной соборности. Акцентирует Хомяков и особенность соборного единства по «благодати Божией» [8, с. 62], а не по «человеческому установлению» [8, с. 62]. Он же обосновал и соборный тип сознания: «Недоступная для отдельного мышления, истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Эта черта резко отделяет учение православное от всех остальных» [8, с. 62].

Обратим внимание на благодатную основу соборности, ибо если соборность – душа православия, то благодать – ядро соборности, ее ключевое звено. Святитель Феофан Затворник, описывая благодатное состояние души, замечал, что оно «не может равняться никакому естественному восторгу. Оно исключительно, – и только прикосновением Господа в душе испытывается» [5, с. 245]. Природа благодати, по его разумению, именно чувственная: «заметили ли вы место, где чувствовалось. Это надо хорошо заметить, чтоб потом быть в этом месте вниманием. Это в сердце. Продлить это состояние не в нашей власти, но некоторое подобие ему производить можно. Благослови Вас, Господи!» [5, с. 247]. «Благодать, – читаем в словаре В. И. Даля, – дары Духа Святого; // наитие свыше; //помощь, ниспосланная свыше, к исполнению воли Божьей; // любовь, милость; благодаяние, благотворение» [3, с. 71].

Другими словами, в основе рассматриваемого нами понятия – высшее начало, соотнесенное с любовью. Здесь, очевидно, следует взять за основу объяснение философов, что соборная благодать – некий небесный ориентир для земной общины, следовательно,

никакое ее «заземление» недопустимо. Н. А. Бердяев, к примеру, уточнял, что соборность «сознания есть качество сознания, соборность ничего общего не имеет с количествами, с коллективностью, она может быть у нескольких более, чем у миллионов. Религиозный гений может более выражать качество соборности, чем народный коллектив в количественном смысле этого слова» [1, с. 219].

Те ученые, которые серьезно рассматривают эту категорию, цитируют определение священника Павла Флоренского, раскрывающего идею соборности как явления, присущего русскому православному мироотношению. Соборность сравнима со спецификой русской народной песни, т.е. с жанром народного художественного творчества. Отец Павел Флоренский тем самым будто бы проиллюстрировал свои же размышления о культуре как производной от культа. В соборности, как в русской песне, «полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом. Тут нет раз навсегда закрепленных неизменных «партий». При каждом из повторений напева, на новые слова, появляются новые варианты, как у запевалы, так и у певцов хора. Мало того, нередко хор, при повторениях, вступает не на том месте, как ранее, и вступает не сразу, как там – вразбивку; а то и вовсе не умолкает во время одного или нескольких запевов. Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками. Каждый более-менее импровизирует, но не разлагает целого» [7, с. 346].

Он же выделял основополагающие составляющие соборности: семья, родина, род человеческий: «Живя, мы соборujemy сами с собой – в пространстве и во времени, как целостный организм, собираемь воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемь в семью, и род, и народ, и т.д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [7, с. 349]. Имеется в виду единение небесное. В этом смысле следует понимать и выражение «весь мир», которое вовсе не означает какого-то «стадного», «роевого» объединения, стирающего все границы, в том числе и культурные. Сохранение личностного и национального достоинства – несомненное и обязательное условие такого «небесного» союза.

Большим, значимым событием в истории русской литературы стала в 1995 году публикация научного труда И. А. Есаулова «Ка-

тегория соборности в русской литературе», где ученый, помимо подробного описания ее бытования в русской словесности с древнейших времен, правомерно предложил строго дифференцировать различные пути исследования художественного произведения. Наряду с историко-литературным и мифопоэтическим И. А. Есаулов обосновал необходимость осмысления «третьего пути», вытекающего из различных типов культур, специфики самосознания. Основанный на духовном принципе, он, по мнению автора, открывает широкие возможности познания глубинного воздействия православной христианской культуры на то или иное литературное произведение. С тех пор на эту тему написано достаточно много, в том числе и самим И. А. Есауловым. Однако проблема продолжает оставаться весьма актуальной.

«Православная одухотворенность» русской классической литературы берет свое начало с древнейших времен. «Слово о полку Игореве», вне сомнения, является своего рода эталоном, идеалом, своеобразной «точкой отсчета» для формирования целого спектра ее специфически-самобытного, неповторимого духовно-культурного типажа. Назовем некоторые особенности, представляющиеся нам наиболее важными, существенными, определяющими в этом аспекте.

В «Слове...» вполне очевидны следы славянского литургического типа за счет как оригинальной, гибкой ритмико-интонационной структуры, так и конкретного, четкого, сжатого, но наполненного глубочайшим, полифоничным смыслом содержания. В соответствии с канонами русской православной культурной традиции – это своего рода «подражание» в формирующейся «светской» литературе глубинного духовного «сверхтекста». Иными словами, он зарождается именно в поэтике этого произведения.

Оно формирует оригинальную специфику патриотичности русской словесности, зарождает патриотический модус всей ее духовно-культурной доминанты.

В своеобразной стилистике «Слова...» очевидны истоки самобытной русской художественности: намеки, реминисценции, символика, роль пейзажа, сближение с народной песней, полифункциональная образность, особая значимость финалов, в которых весьма часто скрыт ключ к глубинному пониманию того или иного произведения в целом.

Как в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, так и в рассматриваемом нами тексте, сформирована концепция так называемой «Святой Руси», базирующаяся на «интуиции совести» и «драме вины», на соотношении идеала и действительности. Обозначено место Руси как государства среди других христианских и нехристианских «микромиров», православная и одновременно государственная позиция.

Прежде всего, через «Слово о полку Игореве» намечено в русской классической литературе соотношение динамичности развития «духовных мытарств» героев и «чудесное» обретение благодати, специфичная риторическая культура, многообразие символических образных средств, синтез разнообразных жанровых компонентов, а также формирование самобытной публицистичности.

Необходимо отметить также сущность основной, доминантной концепции «Слова...» как формирующей и утверждающей значимость идеи покаяния и искупления вины, развития принципиально иной, отличной от западноевропейской, «героики», а также становление одного из доминантных векторов русской классики XIX столетия, именуемого как «путь исканий персонажа», его духовно-нравственный базис.

В «Слове...» очевидны и истоки формирования самобытных контуров художественного хронотопа: соотносённость реального и идеального времени – пространства, «чудесное» преодоление реального времени представлено в «Слове» как «возвращение» героя. Налицо соотношение «пути» и «возвращения» как преодоления гордыни, наказание за своеволие. Развитие последнего компонента как одного из базовых широко осмыслено в поэтике Пушкина, прозе Достоевского, равно как критика концепции «маловерия» героя. Показана онтологичность контуров мотива «пути, синтез «земного» и «небесного» компонентов, повторяются и акцентируются илларионовские архетипы «земля-вода-небо».

Через утверждение традиционной роли для русского самосознания Божьей Матери как «Матери-заступницы», обретение благодати утверждаются истоки формирования значимой роли женского идеала в русской классической словесности. Идеино-художественная перспектива облика Ярославны раскрывает значимость мотива ожидания и возвращения мужа как духовной

награды за ожидание (ср: страдание, преодоление, награда за терпение).

В «Слове...» утверждается онтологическая семантика «верханиза»: божественная связь, органичное соединение Неба и Земли, а также роль семантических оппозиций «Христос – Антихрист», «Богородица – дева Обида» (Антибогородица). Это заметно в духовно-эстетической составляющей многомерного конфликта этого древнерусского памятника.

В произведении впервые акцентируется проблема внешней и внутренней свободы, ставшая доминантной для русской классики в целом (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Толстой).

Если посмотреть на «Слово о полку Игореве» в аспекте жанровой специфики, то совершенно очевидна значимая функция «поэзного» компонента как для данного произведения, так и для развития русской классики в целом.

И, наконец, несомненно, важна идейно-эстетическая и сюжетно-композиционная роль финала «Слова...». Феномен «финального ликования» онтологически органично актуализирует значимость «чудесного» (духовного) побуждения и прозрения героя.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание. – Москва, 1990. – С. 219.
2. Гулыга А. В. Русский философский ренессанс и творческая судьба Вл. Соловьева / Вл. Соловьев. Сочинения. – Москва, 1975. – С. 5.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – С.-Петербург – Москва, 1882. – Т. 3. – С. 71.
4. Пушкин А. С. О народности в литературе. – Москва, 1982. – С. 12–35.
5. Феофан Затворник, свт. Полное собрание творений в сорока томах. – Москва, 2011. – Т. 7. Письма о христианской жизни. – С. 245–247.
6. Федотов Г. П. О национальном покаянии. – Москва, 1933. – С. 78.
7. Флоренский П. А. Собрание сочинений. – Париж, 1985. – С. 346–349.
8. Хомяков А. С. Соч.: в 2-х т. Т. 1. – Москва, 1995. – С. 56–62.

UDK: 80; 2-12

**THE MEANING OF THE CONCEPT
“COLLEGIALITY” FOR THE
FORMATION OF SPIRITUAL AND
CULTURAL TRADITIONS OF RUSSIAN
LITERATURE (BASED ON “THE LAY OF
IGOR’S WARFARE”)**

Lyudmila E. Khvorova

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Russian Philology Department
Derzhavin Tambov State University
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Lili Jin

PhD Student
Faculty of Philology and Journalism
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

For citation: Jin L. The Meaning of the Concept “Collegiality” for the Formation of Spiritual and Cultural Traditions of Russian Literature (based on “The Lay of Igor’s Warfare”). *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2019. Issue 7. P. 262–270.

Abstract

The article deals with the origins of spirituality of Russian literature, Orthodox-Christian culture, which formed the internal «Orthodox supertext» of Russian literature, with conciliarity (sobornost) as an original Russian concept. The article gives reasoning of Russian scientists, philosophers, religious thinkers and modern literary scholars. The authors consider this category to be universal, going beyond the boundaries of theology, which formed the spiritual basis of Russian classical literature. The Old Russian monument “The Lay of Igor’s Warfare” is analyzed, where the origins of conciliarity are clearly expressed, the so-called “ideal of Holy Rus” is actually formulated, based on “intuition of conscience and the drama of guilt”. It also considers the specifics of the “patriotic mode” of Russian classics, the problem of “external and internal freedom”, the most important genre and style components.

Keywords: conciliarity; culture; nationality; Orthodox ‘supertext’; Holy Russia; Christian ideal.

References

1. *Berdyayev N. A.* Samopoznanie [Self-Knowledge]. – Moscow: 1990. – P. 219. (in Russian)
2. *Gulyga A. V.* Russkii filosofskii renessans i tvorcheskaya sud’ba Vl. Solov’eva [Russian Philosophical Renaissance and Vl. Soloviev’s Creative Life]. / Vl. Soloviev. Writings. – Moscow: 1975. – P. 5 (in Russian)
3. *Dahl V. I.* Tolkovyi slovar’ zhivigo velikoruskogo yazyka v 4-kh tomakh [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 volumes]. – St. Petersburg – Moscow, 1882. – Vol. 3. – P. 71. (in Russian)
4. *Pushkin A. S.* O narodnosti v literature [About the National Character in Literature]. – Moscow, 1982. – Pp. 12–35. (in Russian)
5. *Theophan the Recluse, Saint.* Polnoe sobranie sochinenii v soroka tomakh [The Complete Works in Forty Volumes]. – Moscow: 2011. – Vol. 7. Letters about Christian Life. – Pp. 245–247. (in Russian)
6. *Fedotov G. P.* O natsional’nom pokayanii [On National Repentance]. – Moscow: 1933. – P. 78. (in Russian)
7. *Florensky P. A.* Sobranie sochinenii [Collected Works]. – Paris, 1985. – Pp. 346–349. (in Russian)
8. *Khomyakov A. S.* Soch. : v 2-kh t. [Writings: in 2 vols.]. – Moscow: 1995. – Pp. 56–62. (in Russian)